

Что такое реальность? Концепт

Автор:

Андрей Курпатов

Что такое реальность? Концепт

Андрей Владимирович Курпатов

Игры разума #4

Мы не можем ответить на этот вопрос «Что такое реальность?», используя традиционные языковые средства, поэтому в книге используется методологический инструментарий. Методология мышления, основанная на современной нейрофизиологии, является не средством описания, а способом реконструкции пространства реального. Как взаимодействовать с реальностью, не впадая в иллюзию? С чем мы в действительности имеем дело? Что происходит на самом деле? Насколько реальны наши представления? Чем факты отличаются от интеллектуальных объектов? Таковы главные вопросы этой книги, посвященной несодержательному мышлению.

Андрей Курпатов

Что такое реальность? Концепт

© Курпатов А. В., 2016

© Издательство Трактат, 2018

* * *

Вместо введения: «Скандалы в философии»

Название этой книги должно вводить в заблуждение. Думаю, это с неизбежностью происходит.

Нам кажется, что мы знаем, о чём идёт речь, когда звучит слово «реальность». Но это чистой воды иллюзия. При всём желании, мы не можем определить её границ или дать ей определение.

Так что, в каком-то смысле, я поставил перед собой неразрешимую задачу – сказать о том, о чём не может быть сказано, потому что сама реальность для нас принципиально недоступна.

Впрочем, именно это – попытки помыслить то, что ускользает от мышления, – и позволяет нам угадывать нечто действительно важное.

Определение «реальности»

1

Что же такое реальность? Реальна ли эта книга в ваших руках? А если она на экране монитора – это тоже реальность?

Или же реально отображение этой книги, возникающее в вашем мозгу? Если же реально и то, и другое, то чем эти реальности отличаются?

А что реально в самой этой книге? Её вес? Переплёт? Рисунок на обложке? Вёрстка? Или, быть может, химическая структура бумаги? Квантовые эффекты отражённых от её поверхности (или излучаемых экраном) фотонов? Цвет? Краска на бумаге? Пиксели на экране? Компьютерная программа её цифровой версии? Язык, на котором она написана?

Быть может, реально то, что я – её автор – думал, работая над этой книгой? Или то, что вы, уважаемый читатель, в ней прочтёте? Или реальна лишь активность наших нейронов, создающих и распознающих скрытые в ней смыслы?

В каком качестве она реальна для моей собаки? Для представителя примитивного народа, не знающего о том, что такое письменность и тем более книгоиздание? Будет ли она по-прежнему реальной, если окажется, например, в «руках» инопланетянина? Или в этом случае её уже нельзя будет назвать «книгой»?

Сохранит ли она реальность, если мы предположим, что все её экземпляры уничтожены, но я или кто-то другой о ней помнит? А если язык, на котором она написана, умрёт?

Насколько она вообще может быть реальной «книгой», если кто-то думает о ней одно, а кто-то другой – другое? Кому-то она кажется интересной, а другому – откровенным бредом. Это части реальности, как-то связанные с этой книгой, или нет? Если да, то перед нами уже некий континуум. Если нет, то где граница, которая отделяет одну реальность от другой или реальность от нереальности?

Разумеется, это лишь малая толика возможных вопросов. Их может быть куда больше. Но ответов нет. Мы пользуемся словом «реальность», а на самом деле понятия не имеем, что именно оно обозначает.

2

Создаётся впечатление, будто реальность – это шляпа какого-то сумасшедшего фокусника, который может вынуть из неё всё, что ему заблагорассудится: хотите – «смыслы», хотите – «кванты», а можно ещё «квалиа», «эмергентность» и «синхронистичность».

Но возможно ли это? Не является ли подобное «чудо» лишь фокусами (проблемами?) языка, который и создаёт эти разные представления о реальности?

Что, если действительная реальность на самом деле дана нам каким-то единственным способом – только так, как это происходит, а всё остальное –

лишь игры нашего разума и языка?

Пытаясь определить реальность, мы начинаем тут же вспоминать о её «разных уровнях», «частях» и «аспектах». О том, что она может быть «объективной» и «субъективной», «иллюзорной» и «фактической».

Мы говорим о «физической» реальности, реальности «жизни», «психологической» реальности, реальности «существования», «виртуальной» реальности. Но разве не свидетельствует всё это о том, что мы просто запутались?

3

Наш мозг эволюционно возник из распределённых по телам наших далеких предков отдельных, специализированных нервных клеток: одни отвечали за одно, другие – за другое.

Каждая группа тех первичных нейронов выполняла свои функции в рамках общей для организма задачи выживания. А затем они скучковались в единый «центр управления», который прячется сейчас желеобразной массой внутри нашей черепной коробки.

Этот «центр управления» не создавался по единому плану, в единой логике, в рамках какого-то универсального и продуманного каким-то гениальным креатором подхода.

Наш мозг – это одно сплошное недоразумение: он (вместе со своими периферическими отделами и рецепторным аппаратом) не стройная и упорядоченная система (машина), он хаотичный и разнородный, лишь приведённый к «общему знаменателю».

Это специфическое устройство нашего мозга порождает бесчисленное количество ошибок, а львиная доля его работы – это их постоянное исправление.

4

За время нашего детства, отрочества и юности, на всю эту уже изначально кривую конструкцию села культура: язык, который мы освоили, система социальных ценностей и индивидуальных приоритетов, выученные нами способы сборки различных интеллектуальных объектов (от зрительных образов человеческих лиц определённой этнической группы, до способности устанавливать «причинно-следственные отношения» между абстрактными по существу явлениями).

Мы научили наш мозг строить числовые ряды, к чему он, конечно, не был изначально предназначен, а также использовать знаки (сигналы сигналов) для манипуляций над собственным психическим содержанием (которым мы, кстати сказать, сами и являемся).

Мы научили свой мозг и такой, например, бессмысленной вещи, как умение слышать мелодии (другие животные не слышат музыку в музыке, для них это просто такой шум, а вовсе не наши хваленые аккорды и гармоника).

То есть наш мозг не только превращает реальность, с которой мы имеем дело, в подобие бабушкиного лоскутного одеяла, но ещё и рисует на ней (поверх этого, уже произведенного им хаоса) культурной шелкографией.

Поэтому нелепо удивляться открывающимся нам неясностям, парадоксам и вообще самой этой «загадочности» реальности. Было бы удивительно, если бы могли видеть реальность такой, какова она есть. А то, что мы видим вместо неё какое-то «несуществующее животное» – это как раз вполне естественно.

5

Что происходит, когда мы произносим слово «реальность»? Что мы в этот момент думаем? Что подразумеваем? Согласитесь, это важный вопрос. Но мы почему-то совершенно им не озадачены.

Мы находимся под воздействием магии языка – мол, если у нас есть какое-то слово, значит, есть и то, что оно обозначает. Но это «значит» – ошибка. Если у нас есть слово, это свидетельствует только о том, что у нас есть какое-то представление (наше собственное внутреннее «состояние»), которое этим словом выражается, но не более того.

Рассуждая «логически», мы вроде бы можем отличить то, что есть, от того, чего в природе не существует. Но это лишь иллюзия. Сам наш мозг этого совершенно не понимает. Какая разница для моего мозга между выхухолью, которую я никогда не видел, и единорогом, мифическим грифоном, пегасом и прочими химерами? Никакой.

Мы, конечно, понимаем, что все они, в отличие от выхухоли, выдуманы. Но если есть слово – есть и то, что мы можем себе представить.

Так какое, в таком случае, отношение имеют наши представления, обусловленные самим фактом наличия соответствующих слов, к реальному положению дел (к тому, что происходит на самом деле)?

Сам тот факт, что мы используем слово «реальность», по сути превращает её в химеру, но мы этого не замечаем.

«Магия языка»

6

Мы заложники фундаментальных заблуждений: нам вбили в голову, что «язык говорит сам за себя», что мы можем на него опираться, что он точен.

Это неправда – он нем, аморфен и предельно умозрителен. А если уж совсем начистоту, то ведь и нет никакого языка самого по себе; есть лишь тот способ, которым мы коммуницируем с другими людьми, но «коммуницировать с другими людьми» и «познавать нечто» – это вовсе не одно и то же.

7

Мы изучаем язык – тот самый, который считаем родным, – интуитивно угадывая смысл слов, которыми пользуются в нашем присутствии окружающие нас другие люди. Он, скорее, социальная, а не языковая игра.

Никто не учил нас языку как таковому. Нас учили чему-то другому – показыванием (мол, смотри – это «человек», а это «собака»), где-то мы и сами догадывались, о чём идёт речь (из контекста, мысленно проигрывая соответствующие ситуации, объясняя себе непонятное уже понятым как-то).

То есть нас учили социальному взаимодействию, коммуникации, обмену знаниями, а не языку.

Как, например, вы уяснили для себя значение матерных слов? Я узнал об их существовании в весьма сознательном возрасте, и поэтому хорошо помню, как это происходило.

Меня отправили в спортивный лагерь секции мотокросса, где все ребята активно использовали ненормативную лексику. Я же, к стыду своему, не знал ни единого матерного слова. Впрочем, я как-то понимал, что имеют в виду мои товарищи, когда говорили, например, что я должен взять некую «штуковину» и «ударить» с её помощью по другой «штуковине». И всё это несмотря на то, что обе эти «штуковины» и даже указание – «ударь» – обозначались, по сути, одним и тем же словом!

Матерный язык, используемый моими товарищами, был для меня лишь набором странных звуков. Однако мне вполне хватало контекста ситуации и сопутствующих невербальных стимулов, чтобы понять, о чём идёт речь.

То, что это конкретное слово (звук) в действительности означает мужской половой член (а другие подобные слова – другие человеческие органы и действия сексуального характера), я понял лишь из анекдотов, которые ребята безостановочно рассказывали друг другу.

Не понимая анекдота, я проигрывал в голове соответствующую историю, пытаюсь представить, что эти слова могут значить, чтобы возник эффект шутки. Остальным действительно было весело, а потому у меня был очевидный критерий, и я достаточно ловко решал эти ребусы.

В конце концов разобрался, что к чему, – понял действительное значение матерных слов. Причём даже в тех случаях, когда речь шла и вовсе загадочных для меня вещах. Например, я вообще ничего не знал тогда про мастурбацию (мои товарищи, конечно, не пользовались научной терминологией и называли ее

другими словами). Однако из череды анекдотов на эту тему мне удалось понять не только значение данных матерных слов, но и то, как соответствующее действие производится и к чему оно должно привести.

Это хороший пример того, каким образом мы осваивали значения всех слов, которыми сейчас пользуемся. То есть язык (точнее – использующие язык другие люди) оснастил нас не только средствами для успешной ориентации в социокультурном пространстве, но и обучил нас множеству важных действий, рассказал нам о явлениях, с которыми мы не сталкивались.

8

Представьте, что вы глухи, слепы и вдобавок парализованы, а тут вдруг появляется нечто, что позволяет вам видеть, слышать и даже двигаться. Как бы вы отнеслись к этому «нечто»? Насколько вы бы стали ему доверять? Думаю, тут вариантов нет – перед нами спаситель и божество!

Таков язык, и потому наша вера в него безусловна. Мы верим словам и тому, что за ними скрывается что-то реальное (даже если знаем об обратном). Эта наша убеждённость в правдивости языка абсолютна, а потому без всяких проблем распространяется не только на те слова, что обозначают «органы» и «действия» (дурное дело – нехитрое), но и на любые языковые химеры.

9

Проблема, казалось бы, должна возникнуть там, где на референты соответствующих слов никаким образом указать нельзя (например, «любовь», «предательство», «власть» и т. д.).

Но у нас есть языковой контекст, состоящий из «органов» и «действий», так что нам остаётся лишь подключить «интуитивное понимание» – и всё становится «ясно как белый день».

Можно ли понять, что имеют в виду люди, использующие слова, на референты которых невозможно указать? По логике вещей это вряд ли осуществимо. Но ведь нас, по большому счёту, и не интересует референт, нас интересует

возможность взаимодействия с этими людьми. Какая разница, о чём именно они говорят или что они имеют в виду, если нам надо просто с ними договориться?

Таким образом возникает совершенно замечательная ситуация, при которой мы вполне «понимаем» друг друга, совершенно не понимая при этом, о чём же каждый из нас на самом деле ведёт речь.

Никто не знает, что такое «справедливость», «свобода», «добро», «атом», «пространство» или «эволюция», никто не знает, что такое «реальность». Но у каждого из нас есть некое «интуитивное понимание», «теоретическое представление», и мы договариваемся друг с другом, хотя, в действительности, мы просто уладили проблему социальной коммуникации.

10

Представьте, что вы находитесь в некоей комнате в очках виртуальной реальности. Здесь кроме вас ещё несколько таких же «счастливчиков», но у каждого в очках своё VR-видео – один блуждает по джунглям, другой стреляет в тире, третий совершает прогулку по Марсу, а у вас перед носом Собор Святого Петра в Риме.

Вы все двигаетесь по этой комнате, что-то делаете и временами натываетесь друг на друга. Столкнувшись, вам придётся договариваться. И вы легко это сделаете, имея такое желание, хотя каждый будет уверен, что соответствующее событие случилось в его VR-реальности. Вот что такое на самом деле пресловутая «интуитивная понятность».

Примерно таким образом мы себя и ведём, когда используем слова, не имеющие референта, на который можно было бы указать с предельной определённойностью.

Забавно, что все разговоры друг с другом, которые мы считаем «важными», «сущностными», «принципиальными», как правило, подразумевают использование именно таких – нерепрезентативных – слов. Разговоры о реальности, например.

11

Впрочем даже возможность указать на референт однозначно не решает задачи понимания.

Я, например, так и не понял, какую функцию выполняет карбюратор, который мои товарищи по спортивному лагерю называли тем самым словом, производным от нецензурного обозначения мужского полового члена. Впрочем, снять его с мотоцикла и «продуть» я все-таки, следуя их витиеватым инструкциям, смог – мы договорились.

Так что я почти уверен, что все эти языковые (а по существу, социальные) игры не имеют ровным счётом никакого отношения к тому, о чём, как нам кажется, мы ведём речь, когда говорим о реальности и о возможности её понимания.

Но мы этого не замечаем, что, как мне представляется, и является основой того самого – ключевого – «скандала в философии».

12

До сих пор было принято говорить о двух «философских скандалах».

Первый носит оценочный характер – мол, нельзя не считать скандалом тот факт, что за многовековую историю философии в ней не было сформулировано ни одного тезиса, очевидность которого признавали бы все философы.

Второй, сформулированный Иммануилом Кантом: «...нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на веру существование вещей вне нас и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению»[1 - Кант И. Критика чистого разума.].

Но оба этих скандала полностью нивелируются современной нейрофизиологией.

Относительно кантовской интерпретации выяснилось, что проблема не в том, существуют ли вещи вне нас, а в том, что не существует «нас» как таковых.

Действительные мы и есть это «внешнее» по отношению к нам «существование». Мы (как «я») – лишь языковая игра, а реальные мы (всякий активный в данный момент участок нашего мозга) находимся по ту сторону этой языковой игры.

То есть фактические мы – та самая вещь, которая, по Канту, недоказуема, что, конечно, абсурдно. Проще говоря, на веру мы принимаем как раз наше «я» (производим его своей верой[2 - В методологии мышления мы называем такие фантомы «форпостами веры».]), а вовсе не «существование вещей».

Из этого следует и необходимое понимание первой версии «скандала в философии». Он вполне естественен, только вот «скандалом» его назвать уже никак нельзя, скорее – недоразумением.

В своё время ещё Людвиг Витгенштейн объяснил, что причина «философских проблем» – те самые языковые игры, и этот его тезис превратился в полноценную философскую программу, получившую название «лингвистический поворот».

Но с точки зрения «нейрофизиологического переворота», о котором говорит методология мышления, даже этот ход не был в достаточной степени радикальным: оно не позволяло разрешить «скандал в философии», поскольку языковые игры принципиально неразрешимы.

По причине этой неразрешимости невозможно, чтобы философия обзавелась некими «очевидными» для всех философов «тезисами». О чём бы ни говорили философы, они вынуждены пояснять слова, которыми пользуются, а делая это, они с неизбежностью натолкнутся на факт принципиальной невыразимости

действительной реальности в языке.

Как ни крути, мы снова и снова обнаруживаем себя в комнате, населённой персонажами в VR-очках. Возможная в таких обстоятельствах дискуссия не имеет ровным счётом никакого смысла, а устраивающая всех договорённость возможна и без этих дискуссий (если, конечно, участники конкретного VR-аттракциона в ней нуждаются).

15

В конечном счёте радикализация, на которую мы, вследствие неизбежного «нейрофизиологического переворота» обречены, состоит вовсе не в разрешении языковых игр, но в устранении самого игрока – «человека, играющего в язык», этого *homo ludens logos* [З - Лат. – человек играющий язык.].

Высказываясь метафорически, подлинным «скандалом в философии» является существование философов.

Впрочем, это не отменяет возможности быть мыслителем – тем, кто не претендует на знание (любовь к) некоей мудрости, которой, конечно, нет, но пытается мыслить реальность как она есть.

«Дегуманизация познания»

16

Любые наши попытки определить реальность наталкиваются на некие границы, но единственная граница, которая тут действительно есть, – это сам человек (человек, думающий о себе, что он может мыслить реальность, представляющий себя в образе некоего ментора по отношению к ней, наблюдателя, объективатора, познающего и т. д.).

Только принципиальное признание того факта, что реальность не имеет никаких «естественных» границ, что все они нами придуманы, умозрительны, мнимы,

открывает перед нами принципиально новую возможность обретения себя в реальности с помощью мышления.

Речь, таким образом, должна идти, в некотором смысле, о дегуманизации познания – то есть, об изъятии и устранении «познающего» из того способа, каким мы организуем своё знание о реальности. Разумеется, речь не идёт о физическом устранении человека, но лишь об устранении его привилегированного статуса – «того, кто может познать».

17

Идея убрать «познающего», «наблюдателя» из логики познания может казаться абсурдной – мол, зачем тогда это всё, если мы устраняем из уравнения нас самих?

Это важно понять: мы-реальные (что бы это ни значило) неустранимы, а вот наши представления о себе как о «познающих», «наблюдателях» и «мере всех вещей» – это как раз чистой воды иллюзия и заблуждение (что я, в частности, и попытаюсь показать в этой книге).

При всём желании мы не можем вычеркнуть себя из действительности (это и правда нелепо), но мы можем увидеть и признать мнимость некоего собственного, выдуманного нами статуса, а также и принципиальную невозможность соответствующего функционала.

18

Ирония в том, что, изгоняя мнимого «себя» из этого уравнения, мы обретаем действительных себя – то, чем мы являемся на самом деле. Потому что, конечно, мы не можем бытийствовать в реальности как представление о себе, но только в качестве себя-действительных.

Если же это действительное спрятано, экранировано представлением о «я», то оно и не функционально.

Чтобы мы ни делали, мы есть – реальны в реальности. Но важно то, каким образом организованы эти отношения нас и реальности: это могут быть отношения реальности, а могут быть мнимые отношения – как представление об отношениях.

Вообразите нарисованный на бумаге молоток и настоящий гвоздь – это наше типичное положение в отношении реального: представление против действительного.

Если мы хотим быть эффективными в реальности, мы должны быть реальным, а не нарисованным молотком. Мы должны быть самой этой реальностью, а не фикцией, пусть и с безграничными, но выдуманностями возможностями (например, познания).

19

Да, наш мозг – это тот единственный ресурс, которым мы обладаем. Вопрос в том, как мы его используем.

По сути речь идёт о некоем инструменте, от использования которого зависит и наш урожай в реальном. Быть может, он и не идеальный – этот инструмент, и ограниченный, – но всякий действительный молоток, в отличие от нарисованного, можно использовать с толком (хотя можно и потерять в собственном гараже).

Устранение «познающего» – лишь способ условного снятия иллюзорных границ (той пунктирной сетки, которую мы набрасываем на реальность, желая внести в неё некоторую определённую). Это ещё не решение проблемы. Освобождение мозга от этих пут – лишь исходный пункт и точка отсчёта.

Избавляясь от «познающего» («наблюдателя»), мы вовсе не лишаемся тех расчётных мощностей, которыми обладаем благодаря функциональности нашего мозга.

Наш мозг был создан эволюцией для организации фактов действительности, и не его вина в том, что мы использовали эту его функцию не по назначению (переориентировав её с фактов действительности на игру с представлениями о

ней).

20

В конце концов, мы же способны сократически признать собственное незнание – «я знаю то, что ничего не знаю», – даже если всё кажется нам понятным и очевидным. Пусть это и интеллектуальная уловка, но она работает как средство обнаружения новых фактов.

То есть теоретически мы можем устранить себя как цензора, самовольно определяющего ценность и состоятельность фактов реальности в угоду предзаданному результату («потребному будущему», как сказал бы П. К. Анохин), цензора, решающего, что следует считать фактом реальности, а что – нет.

Пусть это не может быть системным решением, и пусть это случается лишь в единичном моменте, но это работает.

Важно, что подобная аннигиляция «нас» вовсе не лишает нас того ресурса, которым обладает наш мозг. Напротив, он делает этот ресурс куда более функциональным – мы уже не так детерминированы прошлым опытом, концептуальным аппаратом и т. д.

То есть, устраняя нашего «знайку», мы вовсе не превращаемся в «идиотов», мы лишь перестаём видеть в реальности то, что хотим, и можем увидеть в ней то, что в ней действительно происходит.

Методология мышления

21

Выводя себя из игры (лишая себя статуса игрока), мы не теряем своего присутствия в реальном. Но каковы наши возможности, обусловленные этим нашим действительным присутствием в том, что происходит на самом деле?

Именно определение этих возможностей и является, как мне кажется, наиважнейшей задачей. И решать её можно лишь последовательно задавая одним и тем же вопросом – «Что такое реальность?», озадачиваясь им снова и снова по мере разработки и производства новых и новых необходимых нам интеллектуальных объектов.

«Что такое реальность?» – вопрос, который важен нам не сам по себе, и не потому, что мы действительно хотим найти на него ответ, а потому, что он позволяет нам должным образом озадачиться, обнаруживать факты и организовывать их. То есть роль этого вопроса сугубо функциональна.

22

Реальность – это не какая-то штука, которая пылится в ларце, спрятанная от глаз любопытствующих. Реальность – это то, что происходит. Она всё, с чем мы, как реальность, имеем дело.

Наше мышление тоже происходит (то есть оно реально), и если ткань реальности едина, то наличествует, вероятно, и такой способ реконструкции нашего мышления, который является одновременно и способом реконструкции реальности – того, что происходит.

Иными словами, реальность мышления (то единственное, что нам доступно) есть предъявленная нам реальность как таковая. Поэтому задавая вопрос «Что такое реальность?» и проясняя через этого собственное мышление, мы обнаруживаем саму реальность.

23

Мы никогда не узнаем ответа на вопрос «Что такое реальность?», но мы многое узнаем, отвечая на него.

В этом весь смысл озадаченности: мы задаёмся вопросом о чем-то, что действительно есть, благодаря этому обнаруживаем факты и лишь обнаружив их узнаём, на какой «вопрос» мы, на самом деле, нашли ответ, а точнее – понимаем, как нам надлежит действовать.

Сначала озадаченность, потом факты, а потом уже усмотрение того, что мы действительно, как теперь выясняется, хотели найти. Именно таким путём мы и пойдём в этой книге.

24

Методология мышления, конечно, не является философской дисциплиной, поскольку не ставит вопрос об истине, считая его бессмысленным.

Можно было бы, наверное, сказать, что истинна реальность, но это тавтологичное высказывание, которое ничего нам не сообщает.

Ценность всякой реконструкции реальности определяется тем, насколько хороши результаты, которые она позволяет нам получать.

Важно то, насколько эффективно мы решаем стоящие перед нами задачи, а не абстрактное знание «истины», которое, по множеству очевидных причин, невозможно.

25

Задача методологии мышления – мыслить реальность. И хотя данная формулировка тоже кажется бессмысленной, сам вопрос – «Что такое реальность?» – отнюдь не бесполезен.

Парадоксальность реальности

Реальность – это всё, что происходит. Но как живущие, чувствующие и мыслящие существа, мы имеем дело лишь с собственными версиями реальности, а не с реальностью как таковой. Пожалуй, это единственное, что мы можем сказать о реальности с полной определённойностью.

Собственно в этом и заключается фундаментальный парадокс, лежащий в основе методологии мышления: реальность принципиально недоступна для нас, однако же всё, с чем мы имеем дело, включая и наши собственные версии реальности, реально.

Данный парадокс представляет собой головоломку, над которой следует поразмыслить.

Границы реального

1

Всё, что происходит, является реальным. Не важно, в каком смысле это является реальным, важно, что это есть, потому что это происходит (а то, что не происходит, того и нет).

2

У реального нет границы, и потому бессмысленно говорить о некоем наблюдателе реального, с одной стороны, и о реальности, которую он наблюдает, с другой.

3

Отсутствие «наблюдателя» противоречит нашей интуиции: нам кажется, что есть мы, а есть реальность, которую мы воспринимаем. Осознать абсурдность этого противопоставления крайне сложно.

Единая (хотя это уточнение и бессмысленно) реальность – всё, что происходит, – как-то соотносится сама с собой внутри себя самой. Нам только кажется, что у нас есть некий привилегированный статус «наблюдателя», это иллюзия.

4

На это можно возразить, что, мол, есть же наши представления о реальности, которые не являются самой реальностью (как «карта» не является «территорией»), то есть граница существует. Мол, есть окружающий меня мир, а есть та модель этого мира, которая возникает в моём мозгу.

Возражение резонное, но оно не учитывает главного: когда что-то возникает в нашем мозгу (любой образ, представление, умозаключение и т. д.) – это уже реальность, потому что это то, что происходит. Это уже территория, а не карта.

5

Когда мы производим «карту» реальности, мы производим реальность. «Карта» только кажется нам формой представления «территории» (реальности), в действительности – она неотъемлемая её часть.

Мы не имеем ничего, кроме «территории» – пространства реального.

Фикция наблюдателя

6

Подумаем о ловушке, в которой мы оказались.

Идея о том, что в нас есть некий центральный «наблюдатель», сама по себе является представлением – моделью модели (моделью модели того, в каких отношениях я, как наблюдатель, нахожусь с реальностью).

7

Вы не можете быть одновременно наблюдателем и думать о себе как о «наблюдателе» (и вы не можете наблюдать «наблюдателя» в себе).

Вы или наблюдаете – и это происходит (то есть это реальность), или вы думаете о себе как о «наблюдателе», но уже не будучи наблюдателем.

8

Думая о себе как о «наблюдателе», вы наблюдаете, устраняя в себе «наблюдателя». Впрочем, это только частный случай устранения «наблюдателя».

Да, когда вы думаете о себе, как о «наблюдателе», нечто, конечно, происходит – например, сам процесс этого вашего размышления реален. Но реален именно он, а не то, что, как вам кажется, вы в этом процессе делаете.

9

У реального нет естественной границы – мы не знаем, где оно начинается, а где заканчивается. Реальное как бесконечная крышка, причём без ручки – её не подцепить, за неё не ухватиться.

10

Неухватываемость реальности разочаровывает, и мы идём на хитрости. Мы пытаемся что-то с ней сделать, как-то её преобразовать, чтобы она стала «доступной» для нас и наших воздействий.

Это кажется хорошей идеей, но только на первый взгляд, поскольку мы сами реальны и не можем покинуть пределов реальности (она – всё, что происходит, и всё, что есть).

Место в реальности

11

У реальности нет пределов.

Нельзя покинуть клетку, у которой нет стен. Мы можем попытаться поменять своё положение в ней, куда-то переместиться, но сам континуум от этого не меняется.

Для нас может измениться лишь вид (рисунок) того, что происходит, но не реальность как таковая. Так что попытки обмануть реальность, взять её под контроль столь же амбициозны, сколь и глупы.

12

Любое наше действие принадлежит реальности.

И это самообман, если нам вдруг кажется, что мы смогли обхитрить реальность, подойти к ней с некой «другой стороны».

Мы можем пытаться вытягивать себя за волосы из пространства реальности, хвататься за крышку, у которой нет ни краев, ни ручки, обманываться. Но всё это не имеет никакого смысла. Игра уже сделана.

13

Мы имеем место [© Л. Витгенштейн] в реальности, и это всё, чем мы располагаем.

Это вполне очевидный факт, но мы не мыслим его с достаточной строгостью. Напротив, мы идем на всяческие ухищрения спекулятивного толка, создавая тем самым точки уязвимости.

Приписывая себе возможности, которыми мы на самом деле не обладаем, мы совершаем действия, которые не могут привести к ожидаемому результату. Мы

лишь запутываемся ещё больше, совершаем новые глупости.

14

Меняя своё положение в пространстве реальности и фиксируя моменты ситуации под разными углами, мы получаем «разные данные».

Но все эти «разные», как нам кажется, данные, на самом деле, данные о том же самом – о той самой ситуации. Если мы не осознаём этого, мы порождаем ошибки.

15

Если бы мы понимали, что всякий наш такой «снимок» ситуации – это снимок того же самого, подобная тактика была бы бесполезной.

Мы бы узнавали больше о том, что происходит на самом деле. Не «новое», а что-то ещё о том же самом, действительно увеличивая своё знание.

Объём и плотность знания

16

Наше знание нуждается не в инфляционном приращении его объёмов, а в увеличении его плотности, потенциальной мощности его системы.

Собственно, в этом и состоит различие между теми подходами, о которых говорит методология мышления: традиционном «представлении о реальности» и новометодологической «реконструкции реальности».

17

«Представления» не имеют никаких ограничений в реальности – «снимков» реальности можно сделать сколько угодно.

Производя новые и новые представления о реальности, нам кажется, что мы увеличиваем своё знание. Но на самом деле речь идёт лишь о банальной инфляции.

Это всё равно, что сделать бесконечное количество фотографий одного и того же человека, а потом сказать, что у нас есть бесконечное количество фотографий людей. Из этого можно, вроде бы, заключить, что раз у нас есть бесконечное количество фотографий людей, то значит, у нас есть фотографии всех людей.

Это очевидный абсурд, но заметить подобную ошибку крайне непросто.

18

Осуществляя «реконструкцию реальности», мы должны понимать, что невозможно получить достоверный «снимок» реальности (некое идеальное представление о ней).

Нет, мы лишь находимся во взаимодействии с ней, а не «наблюдаем» её со стороны. Меняя своё положение в ней, мы можем обнаруживать новые и новые факты, и этого вполне достаточно.

Но было бы ошибкой надеяться, что, собрав «все факты», мы получим целостное и исчерпывающее видение ситуации. Проблема в том, что нет «всех» фактов, есть лишь наши единичные опыты в ней.

«Реконструкция» не позволяет нам увидеть образ ситуации (некую целостную картинку), она лишь предлагает решение – возможное действие.

Задача не в том, чтобы описать ситуацию, а в том, чтобы занять в ней более выгодное положение (много более выгодных положений).

19

Если вернуться к образу «множества фотографий», то принцип «реконструкции реальности» исходит из того, что «человек» (реальность) у нас только один, а снимок, на котором он мог бы «поместиться» весь и целиком, невозможен (таковы необходимые вводные ограничения).

Множество фотографий этого «человека» (реальности, ситуации) – это множество разных фотографий того же самого. По сути, мы создаём таким образом большой пазл, состоящий из отдельных фотофрагментов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Кант И. Критика чистого разума.

2

В методологии мышления мы называем такие фантомы «форпостами веры».

3

Лат. – человек играющий язык.

Купить: https://tellnovel.me/ru/kurpatov_andrey/что-такое-real-nost-koncept

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)